

— Оштрафуйте их на десять лет жалования.

Но это никак не могло компенсировать ущерб, причинённый Ан-вану.

Император Юаньси помолчал.

Затем он резко сказал:

— Назначьте Ан-вану двойное жалование, отдайте ему оставшиеся усадьбы возле реки.

— А затем арестуйте всех чиновников, которые насмеялись над Ан-ваном, и отправьте их в округ Хай на строительство дорог.

— Получая жалование от семьи Чжао, они осмеливаются насмеяться над нашим князем. Это ли их представление о верности и патриотизме?

Он хотел, чтобы все знали, что даже если здоровье Ан-вана слабое, он всё равно остаётся уважаемым князем Великой Ян, и никто не смеет его оскорблять.

— Пойди, проверь, какие чиновники и учёные продолжали посещать Ан-вана после этого инцидента. Я хочу их повесить, значительно повесить.

В доме четвёртого принца, узнав, что император лишь оштрафовал его на десять лет жалования, четвёртый принц, который уже готовился к восстанию, с облегчением вздохнул.

Услышав, что первый принц также был наказан, он сразу понял, что император знает, кто стоял за этим заговором.

Он почувствовал радость.

Это означало, что он снова оказался на равных с первым принцем.

Более того, он, казалось, понял, где проходит граница терпения императора — пока он не поднимает восстание, его статус одного из двух здоровых сыновей будет его спасением.

В доме первого принца, увидев, как толпа гвардейцев ворвалась внутрь, он оцепенел. Когда он пришёл в себя, все его советники, сидевшие рядом с ним и обсуждавшие намерения императора, были схвачены, заткнуты и уведены, словно скот.

Лишь когда один из советников вырвался и бросился к его ногам, умоляя о помощи, он резко спросил:

— Что вы делаете?

Главный евнух Юй Цзань вышел из-за спины гвардейцев и вежливо огласил указ императора.

Затем он приказал двум гвардейцам увести и этого советника.

С грохотом первый принц опустился на стул.

За считанные минуты его кабинет, который ещё недавно был полон людей, опустел. Слуги дрожали за дверью. В голове у него осталась только одна мысль: император действительно узнал, что это он передал слухи о Ан-ване четвёртому принцу, иначе зачем бы он отдал такой приказ?

Однако вскоре он снова выпрямился.

Ведь то, что понял четвёртый принц, он тоже понял.

— Хорошо, что восьмой брат уже лишён наследства.

Иначе его судьба могла бы быть не лучше, чем у его советников.

Он вытер пот со лба.

Но это не означало, что он мог расслабиться.

— Нужно срочно восстановить мой авторитет в глазах отца.

Первый принц инстинктивно хотел обратиться за советом к своим советникам, но затем вспомнил, что их всех уже увели.

Теперь ему некому было помочь.

Но у четвёртого принца остались сторонники, которые поддерживали принцип первородства. Что, если четвёртый принц опередит его?

Первый принц запаниковал.

Нет, оставался один человек, который мог ему помочь.

Он вспомнил о Ся Цзиньяо.

— Быстрее, подготовьте экипаж, я еду в дом гуна-защитника государства. Нет, сначала подготовьте воду, я должен принять ванну. И зажгите сандаловый ладан из храма Ваньсинь, гуна-защитник государства очень любит его аромат...

Узнав о визите первого принца, Ся Цзинъяо, обсуждавший что-то с управляющим, улыбнулся.

— Позовите его.

Ещё до того, как первый принц вошёл, Ся Цзинъяо почувствовал сильный аромат сандалового ладана.

В его глазах мелькнула насмешка.

Сколько лет прошло, а первый принц так и не поумнел. Когда всё хорошо, он избегает его, а когда проблемы, начинает щедро использовать ладан из храма Ваньсинь.

Но он не знал, что теперь Ся Цзинъяо больше не любит этот аромат. Теперь ему больше нравится запах Ао Жуйцзэ, особенно после того, как тот вспотеет...

Мысль об этом заставила насмешку в глазах Ся Цзинъяо исчезнуть.

Он машинально добавил, что, конечно, ему нравится только запах Ао Жуйцзэ.

Но после этого его настроение слегка угасло.

Первый принц, конечно, не стал бы говорить правду. Он лишь сказал, что недавно совершил ошибку, разозлив императора, и спросил, есть ли способ исправить ситуацию.

Ся Цзинъяо подумал:

— Вам нужно внимательно следить за делами в Министерстве наказаний, чтобы больше не было ошибок.

— Ваша супруга, принцесса, уже на седьмом месяце беременности. Пусть она притворится больной, император всегда смягчается в таких случаях...

— Кроме того, вам нужно срочно добиться каких-то успехов. Кстати, я недавно придумал несколько способов решить проблемы Министерства наказаний и уже записал их. Вы можете передать это императору.

Первый принц с жадностью взял записи и начал читать.

Его глаза загорелись, и он не смог сдержать себя:

— Хорошо, хорошо.

С этим он сможет заслужить прощение императора.

Он потянулся, чтобы схватить руку Ся Цзинъюо:

— Цзинъюо, я знал, что ты сможешь мне помочь...

К счастью, Ся Цзинъюо вовремя отступил.

Первый принц опешил.

Затем его охватило чувство отвращения, а следом — гордости.

Отвращение вызвало воспоминание о том, что Ся Цзинъюо испытывает к нему чувства.

Гордость — от мысли, что тот отступил из-за смущения.

Он подумал, что даже если у четвёртого принца есть советники, у него есть преданный Ся Цзинъюо, который стоит сотни таких.

Но первый принц не собирался заигрывать с Ся Цзинъюо, поэтому он тут же улыбнулся и сказал:

— Спасибо, Цзинъюо, за помощь. Уже поздно, я пойду.

Ся Цзинъюо кивнул.

Первый принц ушёл в приподнятом настроении.

Глядя на его спину, Ся Цзинъюо засмеялся.

Хотя первый принц, конечно, представит записи как свои собственные.

Но Ся Цзинъюо не волновало это.

Ведь император обязательно вознаградит его другим способом.

В конце концов, император не глуп, чтобы поверить, что такие идеи мог придумать первый принц.

Управляющий, молчавший всё это время, спросил:

— Гун, стоит ли распространять слухи о том, что первый принц, чтобы подставить четвёртого, передал ему информацию о бесплодии Ан-вана, а четвёртый принц распространил эти слухи,

чтобы унижить Ан-вана?

— Конечно, стоит.

Ся Цзинъяо ответил.

Император хочет скрыть позор своих сыновей, а он сорвёт эту завесу.

Размышляя об этом, Ся Цзинъяо бросил взгляд на спальню.

Две светящиеся жемчужины лежали у его изголовья.

Так он оплатит за обиду Ао Жуйцзэ.

Теперь он ничего ему не должен.

Но оставался один вопрос...

Почему у Ао Жуйцзэ, несмотря на разрушенные корни, после каждого раза живот надувался?

И он начал интересоваться, насколько большим он может стать.

Ся Цзинъяо, слегка покраснев, не спеша размышлял.

Как раз в этот момент вернулся Ао Жуйцзэ, и его ноги дрогнули.

Ся Цзинъяо был человеком действия, поэтому вечером, полураздетый, он лежал на кушетке с книгой и, сославшись на боль в ноге, позвал Ао Жуйцзэ, чтобы тот их помассировал...

<http://bllate.org/book/15198/1341240>